Ася Бергман

Мама, ты здесь больше не живёшь

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Ася Бергман

Мама, ты здесь больше не живёшь

«Автор»
2026

Бергман А.

Мама, ты здесь больше не живёшь / А. Бергман — «Автор», 2026

— Подпиши, мам, и вернёшься домой.Сергей подвинул ко мне бумаги через стол в кафе. Доверенность на продажу моей квартиры. Моей — хотя уже несколько месяцев я не могу открыть её дверь.Всё началось с просьбы пожить до зимы. Потом невестка заняла шкафы, сын отобрал спальню, а меня объявили ненормальной перед соседями и родственниками.Но почему они так торопятся продать квартиру? И что на самом деле случилось с их собственным жильём?

© Бергман А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. На три месяца 5
Глава 2. Чужая полка 9
Глава 3. За чей счёт 11
Глава 4. Комната для мальчика 14
Глава 5. Она путается 18
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Ася Бергман
Мама, ты здесь больше не живёшь

Глава 1. На три месяца

В конце августа Сергей привёз ко мне раскладной диван, два чемодана, семь коробок и семью. В таком порядке они и появились в прихожей. Диван грузчики поставили на ребро, коробки загородили ванную, а Юля с Мишей минут десять сидели в машине, потому что не могли пройти.

— Мам, только не начинай, — сказал Сергей, ещё не сняв ботинок.

— Я и не начинала. Где ты собираешься это всё держать?

— Разберём. Ты обещала помочь.

Я действительно обещала. Две недели назад сын позвонил с дачи, где они гостили у друзей, и сообщил, что в их квартире затеяли ремонт. У меня двухкомнатная квартира: маленькая спальня и проходная гостиная. Я предложила им пожить в гостиной, пока строители долбят стены. Сергей сказал: «Месяца три, до зимы точно управимся». Тогда мне даже понравилось, как быстро он согласился. Никакого «мам, мы тебе не помешаем?» — сразу дело.

— Сними обувь, — попросила я.

Он посмотрел на грязный след под диваном.

— Серьёзно? Грузчики уже натоптали.

— Грузчики уйдут. Ты останешься.

Юля вошла с пакетом продуктов. Миша приволок рюкзак с динозавром и застыл у порога.

— Бабуль, а мы долго у тебя?

— До снега, — сказала я. — А потом обратно к себе.

— Папа сказал, до Нового года.

Сергей быстро повернулся к нему:

— Миш, не сейчас. Разувайся.

Я заметила расхождение. Он просил три месяца, но ребёнку назвал другой срок; Сергей не ошибался в датах, когда они были ему выгодны. Спрашивать при Мише я не стала. Дала ему тапки, которые купила в надежде, что он когда-нибудь перестанет забирать мои. Юля расстегнула куртку и осмотрела прихожую так, словно впервые пришла смотреть квартиру перед покупкой.

— Здесь надо сразу сделать нормально. А то трое взрослых, ребёнок и этот шкаф в проходе.

— Это вешалка, — поправила я.

— Какая разница. Ей лет сорок.

— Тридцать два. Сергей на ней сушил варежки, когда в первый класс пошёл.

— Тем более, — сказала Юля.

Грузчики запросили ещё тысячу: диван не проходил в гостиную, пришлось снимать дверь с петель. Сергей порылся по карманам, вытащил две мятые купюры, остальное попросил у меня. Я дала, потому что мужики уже стояли в прихожей, а у одного на руке была ссадина от металлической рамы.

Когда дверь вернули, Сергей начал просить ключи.

— У тебя есть запасные? Мне, Юле, ну и чтобы Мишу забирать.

— Тебе отдам второй комплект. Юле копию сделаете, если понадобится.

— Зачем бегать? Давай всё, что есть. Я рассортирую.

У меня было три комплекта: с рыжим брелоком в сумке, с красным — на крючке в спальне, запасной — под квитанциями в тумбочке. Сергей требовал сразу два, и я положила на стол рыжий и красный. Запасной из ящика оставила себе. Сергей пересчитал брелоки.

— А ещё?

— Ещё у меня ключи от сарая в деревне. Тебе тоже?

Он не засмеялся.

— Мам, из-за ключей устроишь проблему? Ладно, потом.

Пока мы с Мишей раскладывали книги на нижней полке, Юля вынесла из прихожей мою деревянную вешалку. Не спросила. Я услышала, как заскребли ножки по плитке, вышла и увидела её поперёк лестничной площадки.

— Куда?

— Пока сюда. Там же тесно.

— А потом?

— В мусорку. Ваша... — она поправилась: — Эта вешалка никому не нужна.

— Мне нужна.

— Ольга Николаевна, у нас ребёнок. Он об неё ударится.

Миша стоял рядом и ковырял наклейку на рюкзаке.

— Я ни разу не ударялся, — сказал он.

— Иди к папе, — ответила Юля.

Я втащила вешалку обратно. Она была тяжелее, чем помнилось. Сергей вышел из гостиной с отвёрткой.

— Мама, ну что? Поставим за шкаф пока. Потом вернёшь.

— Куда за шкаф? Там стена.

— Не цепляйся. Юле надо вещи разместить.

В конце концов мы затолкали вешалку на лоджию. Я сама вынула из её ящика две прищепки, старую расчёску Сергея и пачку открыток. Юля сказала, что завтра надо купить новый узкий шкаф. На чей счёт — не уточнила.

К ужину стало ясно, что шесть коробок из семи содержали одежду. В последней была кофемашина. Не маленькая, как у людей, а такая, что заняла половину столешницы возле окна. Я убрала хлебницу на холодильник. Юля провела по подоконнику бумажной салфеткой, посмотрела на серую полоску и молча выбросила её.

— Я утром схожу в химчистку, — сказала я. — До двух меня нет. Можете разбирать без меня. Только в спальне ничего не трогайте.

— А у тебя там что, сейф? — спросил сын.

— Моя спальня.

— Да понял я, мам.

Миша ел макароны и рассказывал, что в школе, куда его записали, будут обеды и большой зал. Он пошёл в первый класс через несколько дней. Я заранее обещала водить его, когда у родителей не получится. Юля вытирала ему рот после каждой ложки, хотя он справлялся сам.

— Миш, не пачкай бабушкину скатерть.

— Она стирается, — сказала я.

— Всё стирается, пока не перестанет.

Сергей попросил добавки, посмотрел на тарелку и вдруг сказал:

— Мам, к нам пока не ходи.

— Куда к вам? Вы уже здесь.

— На Лесную. Где квартира. Если захочешь посмотреть ремонт — не надо, ладно? Там всё раздолбано, пыль, провода торчат. И рабочие нервные.

— Я как раз собиралась занести тебе банку маринованных огурцов. Вы там что, даже холодильник вынесли?

— Мам, я серьёзно.

— И я. Дайте мне ключ, положу возле двери и уйду.

— Ключи у бригадира. Не ходи. Я потом фотографии пришлю.

Юля перевела разговор на школу: нужны ли Мише белые рубашки каждый день или только на линейку. Но Сергей до конца ужина дважды повторил, что на Лесную ходить нельзя. Я сказала «услышала» и убрала тарелки, но впервые захотела съездить на Лесную без предупреждения. На следующий день не решилась: сын не раз прежде преувеличивал неприятности, а я всё ещё предпочитала верить его словам. В тот вечер я не стала спрашивать, что именно они ремонтируют на два с лишним месяца и почему у них с собой зимние ботинки.

Спать устроились поздно. Диван оказался шире, чем обещал продавец: пока его вносили, он содрал обои у дверного косяка. Сергей показал мне чек за доставку, словно я должна была похвалить его за экономию. Юля повесила на ручку ванной пакет для грязного белья, Мишины машинки выстроились в ряд под телевизором. Я принесла из кладовки одеяло с красной каймой.

— Миш, это папино, — сказала я.

Он потрогал вышитое имя в уголке.

— Серёжа? А почему не моё?

— Потому что твой папа тоже когда-то был маленький и везде всё забывал.

— Я не всё забываю.

— Вот и молодец.

Из кухни донёсся голос Юли:

— Сергей, куда ты положил мои ключи?

— На стол. С красным брелоком.

— Здесь два.

— Твои с красным. Мамины с рыжим.

Я вышла. На столе лежали оба выданных мной комплекта. Юля взяла тот, где висел рыжий пластмассовый кружок.

— Этот мой, — сказала она.

— Я же тебе не давала. Сергей должен был сделать копию.

— Он мне передал.

— Как передал, если мы договорились?

Сергей пришёл, почесал затылок.

— Ну отдал я. Какая разница? Вам что, делить нечего?

— Мне есть что делить. Почему мои ключи у Юли, если я ей их не давала?

Юля положила связку в сумку, даже не посмотрев на меня.

— Давайте не будем портить первый вечер.

Ночью я пошла за водой. В прихожей горел свет. Из гостиной кто-то тихо переговаривался, слышно было только «пока не надо» и «сама привыкнет». Я набрала воды, стараясь не звенеть стаканом.

Когда вернулась в спальню, увидела, что дверца тумбочки приоткрыта. Там, под квитанциями за свет, лежал третий, запасной комплект. Я открыла ящик. Квитанции на месте, резинка, иголки, два запасных батарейных элемента — тоже. Ключей не было.

Утром я спросила сына, не брал ли он их ночью. Он пожал плечами: «Поищи». А из ванной вышла Юля в моём старом халате, с мокрыми волосами, и бросила на стол запасную связку — не ту, что получила вечером, а с маленьким металлическим колечком, которое я сама много лет назад с трудом разгибала плоскогубцами.

— Я нашла ещё одни. Нам пригодятся, если мои потеряются.

— Где нашла?

— В ящике. Не переживайте, ничего не пропадёт.

Я держала в руке пустой стакан. Миша на кухне попросил варенье. Сергей достал ему банку, с усилием открутил крышку и подал мне, чтобы я положила на блюдце. Ключи Юля уже убрала в карман халата.

Глава 2. Чужая полка

На четвёртый день Юля купила одинаковые серые коробки. Вечером я вернулась из химчистки и увидела в прихожей шесть штук, поставленных одна на другую. На верхней лежал листок: «Ольга Николаевна. Разобрать до субботы».

В коробках было моё. Запасные полотенца, нитки, документы на стиральную машину, недочитанные книжки, стопка старых газет. На одной Юля написала «хлам». Я открыла её и достала фотографии с первого Мишиного дня рождения.

— Ты зачем всё это вынула из шкафа?

Юля вышла из кухни с крышкой от контейнера.

— Я освободила Серёже две полки. Они теперь оба тут живут, надо как-то размещаться.

— Для этого можно было спросить.

— Вы вчера на работе были. Ждать вас до вечера?

— Можно было.

Она не ответила и пошла мыть крышку. Мне пришлось самой загонять коробки под кровать. Сергей пришёл после девяти, наступил на одну, сказал «понаставили» и пожаловался, что весь день возился с рабочими. Из их квартиры не пахло краской даже от его куртки. Я это отметила про себя как мелочь, не больше.

Утром Юля выбросила чашки.

Не все, только три, которые стояли на верхней полке буфета: белую с зелёным ободком, с трещиной, тонкую с золотой ручкой и синюю с кораблём. Синюю Сергей подарил мне в девяносто девятом, когда приехал из лагеря. Возле буфета стояло моё старое кресло с потёртым подлокотником: его я давно собиралась перетянуть, но руки не доходили. Тогда же я купила дешёвый сервант — мы называли его буфетом — и убрала чашку под стекло: семилетний Сергей вечно ронял всё со стола.

Я обнаружила пропажу, когда захотела налить чай. Пошла к ведру, а там на дне осколки, перемешанные с кофейной гущей.

— Юля!

— Что такое?

— Ты мои чашки разбила?

— Они были со сколами. Из них пить опасно.

— Ты их разбила или выкинула?

— Какая разница, Ольга Николаевна? Я новые куплю, если настолько принципиально.

Я вынула из мусора синее донце с половиной корабля. Палец тут же зацепился за острый край. Кровь попала на салфетку.

— На вот, посмотри. Сын мне её привёз, когда был ребёнком.

Юля обернулась:

— О Господи, ну вы же сами сказали, что не хотите хлам в доме.

— Я такого не говорила.

— Зато про вешалку двадцать минут спорили. Теперь опять.

Миша сидел на полу с конструктором. Пока взрослые ругались, он нашёл маленькое блюдце, тоже расколотое, положил половинки на газету и достал из пенала клей-карандаш.

— Бабуль, я сделаю как было.

— Не трогай, там острое! — крикнула я.

Он вздрогнул. Я подошла, забрала блюдце и поранилась вторым краем. Миша заплакал не громко, а обидно, с задержками между вдохами.

— Я же помочь хотел.

Юля присела возле него.

— Видишь? Я тебя предупреждала. Она любит кричать.

— Да ты сама ребёнку стекло под носом оставила! — рявкнула я.

— Вы бы выражения выбирали.

— Выбирать? Ты тут ещё неделю живёшь, а уже решаешь, какие вещи у меня безопасные.

Сергей появился за моей спиной. Он всё слышал с балкона, где говорил по телефону.

— Ты зачем на Мишку орёшь?

— Потому что он схватил осколки. А жена твоя их выбросила без спроса.

— Это чашки, мам, не сервиз бабушки Елизаветы.

— Твоя из лагеря.

— И что теперь? У меня в жизни больше событий не было?

Миша перестал плакать и с недоверием посмотрел на папу. Сергей вывел его умываться. Юля собрала газету с осколками и положила новый пакет в ведро. На столе осталась моя чашка с кровавым отпечатком пальца. Я вымыла её и убрала в спальню.

На кухне Юля повесила на дверцу холодильника лист с тремя колонками: «ЮЛЯ/СЕРГЕЙ», «МИША», «ОЛЬГА Н.». Моей оказалась нижняя полка, на которой не помещалась даже кастрюля с супом. Я спросила, почему в моём холодильнике мне оставили меньше места, чем ребёнку, и услышала ответ: «Для порядка».

При Зое Павловне, соседке сверху, которая зашла отдать ошибочно доставленные письма, я сняла лист и убрала в карман. Соседка посмотрела на надписи, но не стала выяснять, кто прав. «Вы хоть дверь прикройте, весь этаж слышит», — попросила она и ушла. Сергей вернул лист на холодильник, только переставил мою полку выше. На этот раз я не закричала: пусть сам расскажет, какой порядок защищает.

В субботу я убрала обе уцелевшие старые чашки в спальню, а бельё — обратно в свой шкаф. На следующий вечер оно снова лежало в подписанной коробке «хозяйское». Я попросила Сергея вернуть вещи, не обсуждая Юлю. Он обещал разобраться, но только подвинул коробку к стене.

Я не стала вытаскивать бельё в третий раз. Вместо этого сказала сыну: «Твоя жена раскладывает мои вещи. Ты обещал разобраться. Я хочу увидеть результат, а не новое объяснение». Он молча ушёл на кухню, и Юля впервые не вышла вслед за ним с телефоном.

Под моей надписью Юля прикрепила ещё один листок, напечатанный на принтере: «За использование дополнительного места для продуктов — 1500 руб. в месяц. Обсудить оплату до 5-го числа».

Я сняла бумагу, отнесла её сыну. Сергей сидел на моём диване и смотрел футбол.

— Это твоё?

Он даже не повернул головы.

— Юля порядок наводит.

— Она деньги с меня берёт за холодильник.

— Это Юля распечатала, чтобы показать расходы. Она не собирается брать с тебя деньги, — сказал Сергей. — Я поговорю с ней.

— Вообще-то бесплатно, — сказала я. — И пока что ещё у меня.

Он убавил звук и протянул руку за листком. Я не отдала.

Через два дня лист исчез. Денег с меня не потребовали. Но соседка теперь видела надписи, а я поняла, что сын умеет отменить обиду так, чтобы не признать её.

Глава 3. За чей счёт

В понедельник Сергей положил на кухонный стол распечатку, скреплённую канцелярской скобой. Из тех, что приносят на собрания жильцов и после которых хочется проверить, не подложили ли тебе счёт за чужой подъезд.

— Я подсчитал, сколько стоит наш совместный быт, — объявил он.

— Поздравляю. Мне на работу к девяти.

— Пять минут послушать можешь?

В списке были вода, электричество, интернет, газ, вывоз мусора и «прочие хозяйственные расходы». Напротив воды стояла сумма почти вдвое больше, чем в моей квитанции. «Мамино питание» — семь тысяч рублей. «Помощь с лекарствами» — три тысячи. У интернет-провайдера я платила сама, по старому тарифу. Сергей иногда давал мне деньги на покупки для Миши, и я приносила ему чек до рубля. В распечатке эти покупки почему-то тоже оказались расходами семьи на меня.

— С каких пор ты покупаешь мне еду? — спросила я.

— Мам, ты суп с нашего мяса варила.

— Мясо я сама купила в субботу.

— Ты же брала у Юли из морозилки фарш.

— На котлеты Мише. Я потом положила свой. И вообще, давай квитанции покажем, а не вот это.

— Здесь всё сведено.

— Куда сведено, в одну кучу?

Сергей облокотился на стол.

— Мы тоже тратимся: продукты, лекарства, Мишин проезд. Ты замечаешь только свои квитанции. А у тебя и зарплата, и пенсия.

— Пенсии у меня ещё нет. И за лекарства я сама заплатила. Ты хоть год моего рождения помнишь?

Он смутился на секунду, но распечатку не убрал.

Когда у сына зазвонил телефон, он увидел номер и сразу сбросил вызов. Через минуту экран засветился снова. Сергей перевернул аппарат и попросил не отвлекать его от семейных расходов. Я запомнила только слово «поставщик», вспыхнувшее в уведомлении. Объяснить, почему ему звонят в девять утра, он не предложил.

Я достала из папки платёжки за июль и август. Бумагу я хранила по старинке, хоть могла посмотреть в телефоне. Внесла платежи за квартиру, капремонт, электричество и интернет. Показала номера операций. Юля сказала, что оплаченные счета «ещё ничего не говорят» об общем питании. Я попросила её принести чеки. Она принесла из сумки один — на корм для их кошки, которую оставили подруге, — и сказала, что остальные в приложении.

— Вы мне не предъявляйте магазин, — сказала я. — Я вас пустила на три месяца, а не наняла управляющими.

— Вот опять, — ответил сын. — «Я пустила». Ты нам за всё счёт выставляешь.

— Это кто кому выставляет?

Я ткнула пальцем в распечатку. Сергей отодвинул её, чтобы не помялась.

— Мы думали, ты будешь рада. Семья рядом. Не одна. А ты каждую тарелку считаешь.

— Я рада Мише. А вот этому вашему бухгалтерскому дерьму нет.

— Не выражайся при ребёнке, — сказала Юля.

Миши дома не было: он как раз ушёл в школу с соседским отцом. Я показала на пустой стул. Юля сделала вид, что не заметила.

Вечером ко мне зашла Инна. Ей было шестьдесят; мы дружили с тех времён, когда я ещё водила Серёжу за руку к врачу. Она прочитала таблички на холодильнике, пожала плечами и спросила, сказала ли я сыну, что крайний срок проживания — конец ноября. Я ответила: «Ещё сентябрь, Инка». Она сказала: «Вот именно».

На следующий день Юля позвала свою мать. Вера приехала к ужину в тёмном плаще и сапогах с железными набойками. Ей было пятьдесят семь, и говорила она так, словно всё уже решено, а присутствующие только мешают оформить протокол. Она не поздоровалась со мной, пока не повесила свой плащ на крючок.

— Показывайте проблему, — сказала она.

Я не приглашала её решать проблемы в моём доме.

Сергей сунул Вере расчёт. Она пробежала глазами суммы и сказала: «Дочке моей тут поесть негде, а вы всё квитанциями машете». Я пошла за папкой: если сын собирался считать, кто кого содержал, пусть хотя бы помнит, на чьи деньги покупал первое жильё.

Вера усмехнулась, увидев папку. Миша сидел на подоконнике и рисовал корабль в тетради. Я предложила ему пойти в комнату. Он сказал, что здесь светлее, и остался.

— Нормальные матери детям помогают, — продолжала Вера. — А ты всё на себя тянешь. Теперь ребята вкладываются, а у тебя каждый кусок на учёте.

Я пошла в спальню, принесла папку. В ней был старый перевод 2018 года — я распечатала его когда-то для банка, потому что тогда ещё плохо понимала, как работают электронные платежи. Девятьсот тысяч я дала Сергею на первоначальный взнос. Не в долг, без расписок. Восемь лет назад у меня умерла мать, оставила небольшие сбережения и долю в родительском доме, которую я продала брату. Часть денег пошла на эту квартиру сына.

У Сергея покраснели уши. Миша тихо позвал его, спросил, как пишется слово «железнодорожный». Сергей рявкнул «позже». Юля одёрнула его, забрала тетрадь и начала объяснять сыну. Вера положила телефон возле стакана, но экраном вверх; на всякий выпад с моей стороны она уже готовила ответ. Я посмотрела на неё, но остановиться уже не смогла.

— Вера, заберите свою дочку в свою однушку. Там ей и шкафы будет где подписывать. Наглая, приехала со своими коробками, а теперь ещё с меня деньги за холодильник собирается брать.

Юля резко подняла голову. Миша уронил карандаш.

— Что? — переспросила Вера.

— То и сказала. Здесь никто не нанимался её обхаживать.

— Вы мою дочь назвали дрянью? — Вера встала.

— Я сказала: наглая. А тебя — грубой нахалкой, если нужно точно.

Юля заплакала без звука, прикрыв ладонью рот. Сергей шагнул ко мне:

— Ты совсем себя не слышишь? Перед Мишкой такое говорить?

— А ты как со мной разговариваешь?

— Я хоть жену свою защищаю.

— От кого, от меня? В моей квартире?

Позже родня услышала Верин пересказ: я будто ни с того ни с сего обозвала Юлю и потребовала убраться. Про распределение расходов и девятьсот тысяч Вера не рассказывала. Я тогда впервые заметила, насколько проще пересказывать чужую ссору, когда никто не может проверить начало.

Миша спросил, можно ли пойти в гости к однокласснику. Юля сказала, что уже поздно. Вера обняла дочь, при этом глядя на меня поверх её плеча.

— Ты ещё вспомнишь этот вечер, Ольга.

— Очень возможно, — сказала я. — Но не благодаря вам.

Я осталась на кухне одна. Через полчаса вышел Сергей. Положил рядом со мной пластиковую банковскую карту, потом сам же забрал её обратно. Это была дополнительная карта к

его счёту: по его просьбе я иногда покупала детали для его работы или продукты, когда он не успевал. Денег моих на ней не было.

— Всё, — сказал он. — Больше не нужно. Дальше будем сами.

— Так и делайте.

— А то ты потом скажешь, что нас всю жизнь кормила. Контроль расходов теперь мой.

— Сергей, это твоя карта. Никто её не просит.

Он сунул её в кошелёк.

— Вот и договорились.

Наутро Юля сказала Мише, что бабушка вчера «очень обидела маму». Он спросил, почему я назвала его маму наглой. Я ответила: «Я рассердилась и сказала обидное слово. При тебе не стоило». Он кивнул и спросил, поедем ли мы в воскресенье в библиотеку. Я обещала. Потом повесила на холодильник листок: «Воскресенье. Библиотека с Мишей». Юля прикрепила его магнитом рядом со своими табличками.

Глава 4. Комната для мальчика

Сначала Юля попросила разрешения повесить в спальне Мишин рисунок. Затем сказала, что в гостиной у него нет нормального места для занятий. После этого принесла маленькую парту из магазина, которую надо было куда-нибудь поставить. Ни разу не произнесла «отдай комнату». Я сама поняла, к чему идёт, когда парту собрали у меня на кровати.

— Юля, ты что здесь делаешь?

Она держала в руках шестигранник.

— Мы же договорились, что Мише нужно заниматься. На кухне у вас всё время кто-то готовит.

— Для этого стол купили в гостиную.

— Там телевизор. И Сергей приходит поздно.

— А я, значит, должна приходить поздно в собственную спальню?

Юля поставила парту у окна, не отодвинув тумбу. Одной ножкой она упёрлась в штору.

— Никто вас никуда не выгоняет. Мы ищем решение.

— Тогда ищите его в вашей комнате.

— У нас комнаты нет, — поправила она. — Мы все здесь временно.

Вроде бы повторила мои слова. Но после «временно» посмотрела на мою кровать так, будто она стояла на проходе.

Вечером Сергей сказал, что я не права: ребёнку нужны условия, он в первом классе, а я не могу зажать одну комнату. Я спросила, почему Миша не может учиться на кухне, как сам Сергей, когда был первоклассником. Сын бросил ложку в раковину.

— Потому что тогда не было выбора. Ты мне теперь ещё и нищету детства припомнишь?

— Я не говорила про нищету. Я говорю про школьный стол.

— На кухне у него будет спина к телевизору. Это удобно, по-твоему?

— Выключи телевизор.

— Вот. Из-за тебя все должны менять жизнь.

Через два дня Сергей устроил семейное застолье в честь первой Мишиной школьной похвалы. Учительница отметила его работу в прописи звёздочкой и написала: «Старался». Миша показал страницу папе, а тот тут же купил торт и позвал Веру, двоюродную сестру Сергея Лену с мужем Павлом и двоих их детей. Лена иногда помогала Сергею с бухгалтерией небольшой фирмы, но у меня бывала редко. Сын заранее попросил «не портить праздник».

Миша разрезал торт пластиковым ножом и уронил кусок на пол. Вера сказала, что бабушка всё равно полы помоет. Я подняла крошки и вернулась к столу.

Когда допили чай, Сергей встал и попросил внимания: «Мише нужно место для занятий. Мама одна занимает спальню. Предлагаю обменяться комнатами». У меня в руках были тарелки, я поставила их обратно.

— Это мы когда решаем?

— Сейчас можем спокойно, при всех. Чтобы потом не было разговоров, что я что-то за спиной сделал.

Лена нахмурилась: «Это же мамина спальня». Сергей пожал плечами: «И она останется мамина. Просто поживёт в гостиной, а мы втроём — здесь». Павел переспросил, где поставят Мишину кровать. Сергей показал на угол возле окна. Всё у него уже было измерено.

Вера постучала ложечкой по стакану.

— Да что вы все зацепились! Женщине одной какая разница, где спать? Гостиная светлая, диван хороший.

— Диван занят моим сыном, — сказала я. — И куплен им для себя.

Сергей встал.

— Мы его освободим. Мама, большая кровать тебе зачем? Ты же на половине спишь. Мы втроём займём спальню, пока ремонт. Миша на раскладушке возле нас.

Павел вдруг спросил, сколько стоит новый матрас. Сергей сказал «не в этом дело». Тогда Павел перестал спрашивать. Миша слушал взрослых и водил ножом по пустой картонной подложке торта.

— Миш, хочешь отдельную комнату? — обратилась к нему Вера.

— Хочу космос на стене, — ответил мальчик.

— Вот видишь! — Вера повернулась ко мне. — Ребёнку космос нужен, а не бабкины комоды.

— У ребёнка есть квартира на Лесной, — сказала я. — Там у него комната. Вот пусть папа ремонт заканчивает.

Сергей быстро взял нож из руки Миши и положил подальше.

— Рабочие ещё пол не залили.

— За месяц? Ты же рассказывал, что плитку уже кладут.

— Сначала стяжку переделали. Плитка потом. Мам, не надо перед гостями устраивать проверку стройки.

— Я устраиваю? Это ты меня при людях из спальни выставляешь.

Юля тихо сказала:

— Мы не выставляем. Просто вы не любите уступать.

— А ты любишь. Особенно чужое.

Она побледнела, но не заплакала. На этот раз не было слёз. Она встала, взяла со стола тарелки и начала уносить их на кухню, будто именно ей досталось весь вечер работать. Вера подошла к окну и начала рассказывать Павлу, какая у них на юге есть программа семейной ипотеки. Лена потянула меня за рукав.

— Тёть Оль, давайте пока поужинаем. Он же не прямо сейчас...

— Прямо сейчас, — перебил сын. — Я завтра стол перенесу, а маме поможем.

Меня взорвало не предложение, а этот деловой тон. Он всё уже распределил, включая мою помощь.

Сергею на телефон пришло сообщение из доставки материалов. Он посмотрел на экран и немедленно убрал его в карман. Лена спросила вполголоса, закрыл ли он долг за последнюю партию. «Потом», — ответил он, даже не взглянув на неё. За столом этот обмен почти никто не заметил.

— Ты совсем берега потерял, Серёжа? Ты ещё прикажи, где мне ложиться. Ишь, хозяин нашёлся!

— Не ори при детях.

— А не выводи меня перед детьми на голосование! Раз уж совета просишь, давайте проголосуем, когда вы из моей квартиры съедете.

Миша вскинул голову. Я заметила это и всё равно продолжила:

— Убирайтесь оба! К Вере в однушку, раз она такая добрая! С вещами! Ещё сегодня!

Юля вышла из кухни:

— Вы зачем Мишу пугаете?

— Потому что вы меня за дуру держите!

Миша отпихнул стул, и тот с грохотом упал. Он схватил рюкзак, хотя был выходной, и закрылся в ванной. Младший сын Лены начал плакать следом. Вера громко сказала: «Ну вот, добилась». Это было справедливо хотя бы по отношению к детям. Я подняла стул и пошла к ванной.

— Миш, открой. Я не тебя выгоняла.

— Ты сказала «с вещами»! — донеслось из-за двери.

— Я про взрослых сказала. Миш, открой, пожалуйста.

Он не открыл. Сергей оттеснил меня от двери.

— Отойди. Я сам.

Через минуту сын вывел его за плечи, прижал к себе. Миша прошёл мимо меня, глядя в пол. Позже, когда гости уходили, я попробовала дать ему оставшийся кусок торта. Он сказал, что не хочет, и передал тарелку маме. Мой голос запомнился ему больше, чем слова взрослых о комнате.

До следующего утра Миша не подошёл ко мне сам. Я попросила Юлю передать ему, что извиняюсь за крик; она сказала «позже» и закрыла детскую тетрадь. Когда мальчик прошёл через коридор, я не стала ловить его за руку: он имел право не хотеть разговаривать.

После праздника Сергей молча принёс из коридора измерительную рулетку. Я стояла в спальне перед открытым шкафом. Он измерил расстояние от окна до комода, отметки записал в телефон.

— Не надо, — сказала я.

— Мама, если будешь бодаться, мы тут до ночи провозимся.

— Я тебе не разрешила.

— Ты же видела, что ребёнку плохо.

— Ему было плохо от нашего скандала.

— От твоего скандала, — поправил он.

Наутро я уехала в химчистку, оставив дверь спальни закрытой. Вернулась около трёх — моя кровать стояла вдоль стены, столик под окном, а в проходной гостиной лежали мой матрас, две сумки и стопка постельного белья. Сын вынул матрас из кровати, чтобы якобы освободить место для ребёнка. В спальне остался каркас, в который собирались вставить новый. Юля вешала на стену картонные планеты. На двери спальни скотчем приклеили табличку «МИШИНА КОМНАТА».

— На каком основании? — спросила я.

— Мам, не начинай. Я же сказал, поможем, — ответил сын.

— Это мой матрас. Я его купила.

— Мы тебя не без матраса оставили.

В гостиной диван по-прежнему стоял раскрытый. Чтобы разложить мой матрас на полу, пришлось бы перекрыть путь к ванной. Я смотрела на него, пока Сергей объяснял, что «на ночь можно сдвинуть журнальный столик». Он собрал столик, ударил коленом о батарею, выругался. Юля из спальни попросила потише: Миша разбирал пропись.

Я взяла сумки и отнесла обратно. Сын перехватил первую у дверей.

— Ты что делаешь?

— Возвращаю вещи.

— Давай не устраивать перетягивание.

— Тогда отпусти.

Он держал сумку крепко, но не вырывал. Мы стояли на пороге, как два грузчика, которым непонятно, кто кому должен платить. Миша поднял глаза от тетради. Я могла продолжить тянуть сумку, но это означало ещё один скандал прямо над его головой. Я разжала руки. Сын унес сумку в гостиную.

Весь вечер я сидела там и не включала телевизор. Сергей принёс складную кровать, которую нашёл у знакомого. На мои слова о том, что это не решение, он не возразил. Просто разложил её вместо моей кровати. Она скрипела, когда я просто садилась. Юля предложила постелить сверху тонкий наматрасник и даже принесла новый комплект простыней, пахнущих магазином. От этого было противнее: она заботилась о моём удобстве после того, как решила за меня, где мне жить.

— Это временно, — сказала она. — Пока ремонт.

— Вы хорошо помните это слово, — ответила я.

Ночью Сергей и Юля легли в спальне на мою кровать с новым матрасом. Мише поставили рядом раскладушку с защитным бортиком. Я слышала, как они шептались, потому что из гостиной в спальню вела дверь, и щель под ней никто не заклеил. Утром Сергей прошёл через мою постель, зацепился тапком за простыню и потребовал убрать «всё это с прохода». Мне пришлось встать раньше него, сложить раскладушку и убрать подушки на шкаф. Теперь у меня не было даже места, где можно было оставить незаправленную кровать.

Через несколько дней Лена позвонила. Сказала:

— Тёть Оль, я не хотела вмешиваться при всех. Вы не обязаны комнату отдавать.

— А ты при всех что сказала?

— Я сказала, что спальня ваша.

— А потом промолчала.

— Серёжа сейчас на нервах из-за денег. Я думала, они сами разберутся.

— Разобрались. Он мою комнату отдал и мои нервы посчитал.

Лена тяжело вздохнула. Я слышала, как у неё на заднем плане работает посудомойка.

— У меня перед Юлей есть обязательства, она недавно помогла мне с документами. Я не хочу поссориться совсем.

— Так и не ссорься. Только свидетелем моего согласия не прикидывайся.

Она не ответила, и я закончила разговор. Уже вечером Сергей пришёл со строительным магазинным пакетом. В нём лежала самая дешёвая дверная защёлка.

— Мише так удобнее. Чтобы никто не заходил пока он занимается.

— Дверь до этого тридцать лет без неё обходилась.

— Он просил.

— Он просил космос на стене, Серёжа. Это вы придумали остальное.

Сын привернул защёлку с внутренней стороны. Сначала она заедала, потом щёлкнула как надо. Миша попробовал несколько раз, восхитился: «Как у взрослых!» Я улыбнулась ему, хотя всю ночь в комнате за дверью пахло краской от новых бумажных планет, а мои одеяла лежали на проходе.

Когда в воскресенье я хотела взять из спальни тёплый свитер, дверь оказалась закрыта. Юля отозвалась с той стороны: «Подождите, мы переодеваемся». Я села на сложенную раскладушку и ждала у собственной спальни почти двадцать минут. Внук, выходя, спросил, почему я больше не сплю рядом со своим шкафом. Юля сказала: «Потому что ты теперь большой». Защёлка щёлкнула ещё раз, уже с внутренней стороны.

Глава 5. Она путается

В октябре пропали нож для хлеба и конверт со страховкой. Ни денег, ни украшений никто не тронул. Я искала, сердито бормотала, а Юля обычно находила их там, где мне и в голову бы не пришло посмотреть. Нож лежал в коробке с насадками для миксера. Страховка — под стопкой детских раскрасок.

— Вы опять забыли, — говорила Юля при Сергее. — На прошлой неделе то же самое было.

— Я не кладу ножи в миксер.

— Значит, случайно положили. У всех бывает.

Первое время я спорила из-за каждой мелочи. Потом перестала, потому что спор занимал больше времени, чем поиски. В химчистке я ничего не путала: принимала дублёнки, записывала пятна, сверяла бирки. Дома же выходило, будто я могу не помнить, куда положила нож. Один раз я действительно забыла очки в кармане пальто и два часа искала их под кроватью. Когда нашла, Юля торжествовала так, будто обнаружила у меня серьёзную болезнь.

Однажды я вернулась и увидела на кухонном стуле Зою Павловну. Она принесла домашнее варенье для Миши. Юля рассказывала ей, как я оставила свет в ванной на всю ночь.

— Да лампочка-то новая, — осторожно сказала Зоя Павловна.

— Дело не в лампочке. Мы боимся, что она плиту забудет.

— Я плиту не забываю, — ответила я с порога. — И свет ночью не включала.

— Ну вы же спали в гостиной. Может, не помните, как вставали.

— Я вставала один раз, в туалет. Свет выключила.

Юля улыбнулась соседке:

— Вот видите, каждый раз спор.

Я сняла пальто, повесила его на крючок вместо куртки Сергея и только тогда спросила, зачем здесь посторонний человек обсуждает мою память. Зоя Павловна быстро встала.

— Я вообще за банкой пришла. Оль, ты не ругайся. Я ничего такого не думала.

— И не надо.

Когда она ушла, Юля положила на стол маленький блокнот.

— Чтобы вам было легче, давайте записывать, что куда кладёте.

— Ты себе записывай, кого вызываешь ко мне на медицинское обследование.

— Я о вас беспокоюсь.

— Без тебя разберусь.

Юля открыла страницу, написала сегодняшнюю дату, а ниже вывела: «Свет в ванной. Ночью». Я вырвала лист. Она не помешала. Вечером показала Сергею оторванный край и сказала, что я «порчу записи». Он принёс другой блокнот, побольше. Миша предложил наклеить на него машинки. Отец разрешил.

На следующей неделе исчезла квитанция за капитальный ремонт. Мне нужна была она для сверки начислений. Я точно оставляла её в папке у дивана, потому что ещё прикалывала там платёжку за интернет. Юля сказала, что я, наверное, отправила её с макулатурой. Я пошла в прихожую и проверила пакет для бумаги. На дне оказались старые рекламные листовки, а квитанции не было.

— Вчера вот здесь лежала, — сказала я.

— Вы уже в третий раз говорите «вчера». Может, в прошлом месяце?

— Ты что, издеваешься?

— Зачем? Я просто предлагаю поискать вместе.

— Со мной не надо играть, Юля.

Миша ещё был на занятиях, когда Юля включила камеру. Я заметила это по тому, как подняла телефон от пояса, направив на меня. Я шагнула ближе.

— Убери камеру. Сейчас же.

— Я ничего не делаю.

— Ты меня снимаешь. Положи телефон.

— Сергей, — позвала она, — ты слышишь? Она опять угрожает.

Сын был на лестнице, разговаривал с кем-то о доставке материалов. Он вошёл через минуту, когда я уже попыталась закрыть объектив ладонью. Юля отступила, ударившись спиной о шкаф.

— Мать, отойди от неё, — сказал Сергей.

— Она меня снимает!

— И правильно делает. Ты потом скажешь, что ничего не было.

— Да что у вас в головах? Я в собственном доме должна просить, чтобы меня не снимали?

Юля держала телефон у груди и говорила почти шёпотом:

— Я просто фиксирую. Не хочу, чтобы потом говорили, будто мы вас обижаем.

Я обозвала её бессовестной сукой. Это попало на запись вместе с моей рукой, которой я пыталась заслонить камеру. Ссору до этого она не записала или не показала. Мне достался только тот момент, когда я уже кричала. Потом Сергей прислал мне кусок видео длительностью сорок семь секунд. «Посмотри на себя», — было написано под ним.

На видео я стояла в дверях кухни, красная, с волосами, выбившимися из заколки. Кричала, что выкину телефон в окно и выгоню их всех к чёртовой матери. Юля пятилась, а Сергей говорил: «Не трогай жену». Я досмотрела до конца, отправила сыну одно сообщение: «Пришли всё с начала». Он не ответил.

На следующий день позвонила Лена.

— Тёть Оль, вы хорошо себя чувствуете?

— После вчерашнего — плохо. А что?

— Юля показала нам запись. Вы там как будто не своя.

— Она переставляет мои вещи, потом снимает, как я ругаюсь.

— Я же вас знаю. Вы бываете резкой. Но раньше так не хватали людей.

— Кого я хватала?

— Она сказала, что вы толкнули её в шкаф.

— Я не толкала.

— Может, вы не заметили.

Я закрыла глаза, потому что за спиной хлопнула дверь химчистки и нужно было принимать заказ. Сказала Лене, что разговаривать сейчас не могу. После смены зашла в аптеку за пластырем: палец возле ногтя распух после того, как я защемила его ящиком для белья. Продавщица спросила, чем повредила. Я почти сказала «дома», а потом просто показала палец.

В тот вечер у Миши поднялась температура. Не высокая, тридцать семь и восемь. Он начал кашлять после школы, Юля сразу измерила ему температуру, позвонила педиатру и поставила возле кровати воду. Я принесла свою баночку мёда. Она посмотрела состав, спросила, сколько мёду лет, и отказалась: у ребёнка была аллергия на несколько продуктов, с этим она никогда не рисковала.

— Не давайте ему ничего без меня, хорошо? — сказала Юля.

— Ладно. Есть сироп, если понадобится.

— Я уже всё купила. Спасибо.

Ночью я слышала её шаги из гостиной. Каждые полтора часа она вставала, измеряла сыну температуру, проветривала спальню, меняла ему мокрую футболку. Утром Сергей ушёл, не вымыв даже кружку, а Юля осталась с Мишей. Когда мальчик отказался от каши, она сварила

ему свежую, без масла, с тёртым яблоком и села кормить, хотя сама не успела позавтракать. Я предложила посидеть рядом, пока она помоется.

— Спасибо, я быстро, — сказала Юля. — Только, пожалуйста, ничего ему не давайте.

Миша попросил почитать книжку про самолёты. Я читала, пока Юля была в ванной. Когда она вернулась, он уже спал, держась пальцами за край одеяла. Юля поправила ему подушку и тихо сказала: «Спасибо». В ту минуту у нас даже не было повода ругаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.